

18+

Денис Аскинадзе

ТРАНЗИСТОРИ ПАМЯТИ

31.12.2023, Дубки

Денис Аскинадзе

**Транзисторы памяти.
31.12.2023, Дубки**

«Издательские решения»

Аскинадзе Д.

Трранзисторрр памяти. 31.12.2023, Дубки / Д. Аскинадзе —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620232-0

Американские горки с русским сюжетом, работа в бизнесе и на госслужбе, кризис на Кипре, крах криптовалюты, GPT, любовь, нейрофизиология. Страшная сказка с неожиданной развязкой, где все начинается «как у людей», а заканчивается так, что «мама не горюй». Скучно не будет, потому что... сказка страшная:)

ISBN 978-5-00-620232-0

© Аскинадзе Д.
© Издательские решения

Содержание

PS Не примеряй на себя то, о чем написано ниже, даже если все указывает на тебя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Транзисторрр памяти 31.12.2023, Дубки

Денис Аскинадзе

© Денис Аскинадзе, 2024

ISBN 978-5-0062-0232-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

Добро пожаловать в жизнь!
В жизнь, где, поначалу, все идет по прямой линии.
Аккуратно. Без кривизны. Без изломов.
Спокойно и, более или менее, безмятежно.
Но... рядом с этой прямой будет идти Параллельная.
Невидимая. Не приметная. Словно несуществующая.
Но... ее значение исключительно.
Оно не в размере, оно в сущности.
Параллельная знает об этом.
Параллельная набирает силу. Мощь.
Прямая безропотно вливается в Параллельную
и другой линии больше нет.
Есть только Параллельная.
Но... Параллельная превращается в прямую...
и так бесконечно.

А где же во всем этом Ты?

Льюис Кэрролл «Алиса в Стране чудес»

Интересно было бы поглядеть на то, что от меня останется, когда меня не останется.

PS Не примеряй на себя то, о чем написано ниже, даже если все указывает на тебя

Я бодро зашел в студию, неся за собой шлейф позитивной энергии успешного человека. Пожал руку Саше, который через пару минут возьмет у меня интервью.

Это будет необычное интервью! Интервью на самом популярном интернет канале в стране о бизнесменах, добившихся ярких успехов в своем деле. Аудитория более миллиона человек

Александр Орловский – отличный ведущий. Он олицетворение лучшей части нового поколения около тридцати – работает по всему миру, любит Россию, ведет здоровый образ жизни и счастлив в браке!

Студия небольшая. Приглушенный свет. Камеры готовы. На столе вода, микрофоны в стиле ретро. С такими микрофонами хочется петь. Сейчас начнется интервью. Ощущение «чума»!!!

Я предприниматель. Мне сорок пять. Занимаюсь производством растительных масел и жиров. Развиваю крупнейшую розничную сеть продуктов питания от Калининграда до Южно-Сахалинска. Мне есть, что рассказать людям. В этой готовности я чувствую себя серфером. Солёные морские капли, скорость, мощная закручивающаяся волна и я, проходящий через этот водный туннель, молодой, хорошо сбитый, поджарый. Если упаду, быстро всплыву, дерзко улыбнусь, стряхну воду с головы и заберусь на следующую волну.

– Начали! – объявил Саша. – У нас, мои дорогие, сегодня в студии эксклюзив! Предприниматель, человек с нуля, создавший крупнейшую розничную сеть....

Я немного подтаяваю под таким представлением и уношусь мыслями к началу моей жизни, к моему пацанскому детству.

Мне девять лет. Я – Сережа Фролов. Лето 1985 года. Я с родителями отправляюсь на отдых в Прибалтику. Мы едем на «412-м Москвиче» синего цвета. Стартуем с друзьями мамы и папы прямо из центра Ленинграда, с Миллионной. Десять наполированных атлантов из серого гранита, прикованные навечно, держат портик Нового Эрмитажа и с завистью смотрят на нас большими суровыми глазами.

В машине пахнет булкой с маслом и докторской колбасой. Задние сиденья машины предоставлены в моё полное распоряжение, и я раскладываюсь на них в полный рост. Солнце хорошенько прогрело автомобиль. Никаких кондиционеров. Никаких стеклоподъемников. Никаких тач скринов. Кандовая приборная доска, рычажок подсоса бензина под рулем, палка с набалдашником для переключения скоростей, длинная радио антенна, прикрепленная дугой от переднего крыла к задней части машины.

Открытые окна «Москвича», а за ними... лето в Ленинграде! Дворцовая набережная, неспешная, утомленная жарой Нева, а далее Невский проспект, Лиговка, Московский проспект и... погнали в Эстонию! Города с двойными «л» и «н», тянущиеся «я» в перемешку с «э», пляшущие друг с дружкой гласные «а» и «у». Таллинн, Вихтерпалу, Валгамаа, Раннакула, Силламяэ, Хаапсалу и так далее.

Автомобиль несется на скорости восемьдесят километров в час в сопровождении с его реэкспортным собратом нового поколения «Москвич-2140». За рулем «нашего Москвича» молодой папа с большой копной волос, справа от него штурман мама, худенькая такая, красивая, а сзади я – кожа да кости, с частой простудой на губах. Во второй машине наши друзья Фима, Ира и их сынок – вечно ноющий Алик.

Автомобили едут по отличной советской трассе 66 с Востока на Запад на встречу Прибалтике. На встречу вкусному кофе из небольших глиняных чашечек и свежему творогу, костё-

лам и трикотажу, частному сектору, на встречу к курортному побережью Балтийского моря, иностранному «тере-тере», к границам «загнивающей Европы».

Мы въехали в Пярну. От одного произношения этого места у меня появлялось ощущение булочки со взбитыми сливками. Пярну, пярный, пряный, парный, ярый.

Небольшой уютный город с морским ветром раскатал для нас аккуратные автомобильные дороги, педантично расположил уличные кафе и двухэтажные эстонские домики с бордорвой черепицей крыш. Ветер пролетел с тряпочкой и убрал все пылинки с мостовой, дверей и окон.

Наши автомобили неспешно двигались по улице Супелузе к дому Андрес и казалось, что фары Москвичей с таким же вниманием как и мы оглядывают дома, цветы и людей этого загранично-советского города.

С Андрес мы познакомились еще в прошлом году, когда я с папой приехал в Пярну на автобусе. В толпе пассажиров мы вышли из венгерского Икаруса. Андрес сразу подошла к нам и с приятным эстонским акцентом на ломанном русском спросила:

– Здраафстуйте, будезт нужнаа комнаата?

Женщина была немного скована и постоянно поправляла челку, которая то и дело падала на глаза. Папа договорился с Андрес об условиях аренды комнаты в частном двухэтажном доме, и мы положили начало многолетней традиции семейного отпуска в Пярну.

Часовые стрелки пробежали по окружности жизни триста шестьдесят пять делений и мы с друзьями снова подъехали к знакомому двухэтажному коттеджу, который со всех сторон окружали кусты крыжовника. Вышли из машин, наполнив спокойную улицу хлопками закрывающихся железных дверей наших «Москвичей», и позвонили в ворота частного дома. Нас встретила Андрес, мягко улыбнулась и озвучила своё фирменное «Здраафстуйте!»

– Маашиину моожите положить таам – и махнула рукой под навес около дома.

Начался отдых! Мы окунулись в *fare niente*¹. Пляж, Пепси-Кола, горький кофе с шоколадным ароматом, встречи с прошлогодними друзьями, Том и Джерри в видеосалонах прибрежных кафе, веселые посиделки родителей с друзьями под портвейн и их непонятные разговоры, то и дело сопровождающиеся дружным молодым смехом вперемешку с интеллигентным матом.

Деньги легко вошли в мою жизнь... Началось все со сбора пустых бутылок на пляже. Было азартно и весело.

В кампании с Аликом мы в течение пару часов оббегали пляж и наполняли наши пакеты пустыми бутылками из под лимонада «Золотой ключик» и пива Saku Hele. Бизнес цепочка была проста – собираем по двадцать бутылок, сдаем в прием стеклотары по 12 копеек каждая, выручаем на брата по два рубля сорок копеек и заходим в кафе «Зеленый попугай», где смотрим заграничные мультики с мороженым и газировкой. Никаких мобильных телефонов, никаких с ума сходящих родителей, всё под нашу девятилетнюю ответственность. Часам к двум мы с Аликом возвращались к пляжному лежбищу наших родителей, и все вместе шли на обеденный перекус домой.

Несмотря на несколько порций мороженого, аппетит у меня был зверский. Нас с Аликом сажали за стол первыми и заботливые руки наших мам быстро выставляли на стол легкие салатики, холодный суп и пару упитанных сарделек с вареной картошкой, посыпанной укропчиком и украшенной медленно тающим желтком сливочного масла.

Перекусив, мы с Аликом убегали обратно на пляж собирать наш товар. Иной раз, нам попадались серьезные конкуренты, которые пользуясь своим возрастом и физическим превосходством отбивали у нас заработок, отпугивая подальше от доходных точек.

Бывало мы хулиганили и пускались в ненужные приключения. То ли желая покорить Алика своей изобретательностью, то ли от нечего делать, я продемонстрировал ему пример

---

¹ *Fare niente* (итал. яз.) – ничего не делание

заработка из воздуха. Зайдя на задний двор пункта приема стеклотары, я увидел стоящую в ряд тару, полностью заставленную бутылками из под лимонада. Товар был отменный, без сколов, мечта любого сборщика стеклянной посуды. Я взял четыре бутылки и уверенно пошел к кассе. Приемщица в этот раз была новая, раньше мы с ней не пересекались. Алик опасливо сопровождал меня, надеясь, скорее всего, увидеть как мне надерут задницу. Девушка за кассой лениво посмотрела на нас. Я поставил стеклотару на прилавок в ожидании сорока восьми копеек. Алик смотрел то на меня, то на девушку. Я упорно смотрел на бутылки.

– Откудаа тарраа? Оттудаа? – испытующе спросила хозяйка стеклотарного пункта и указала большим пальцем на складской двор.

Алик уже был наготове, чтобы драпать. Я насупился и исподлобья ответил «Нет! Оттуда» – и указал в сторону пляжа – «Вымыли», – добавил я и в знак подтверждения проведенной работы вытер локтем нос.

Горсть монеток упала в плоску на прилавке и руки приемщицы схватили бутылки как двух зайцев за уши, отправив их в соты деревянных ящиков.

Алику мой трюк понравился, а у меня настроение было гадкое. Уже ничего не хотелось и вместо привычного просиживания денег в автоматах мы отправились на пляж к родакам.

Заработанные деньги легко разлетались, и мы с Аликом каждое утро были на мели. Однако для юнца моих лет два рубля сорок копеек «в то время» были большими деньгами, и я мог позволить себе купить любую вкусняшку на пляже и от души наиграться в игровые автоматы.

Эстонские летние каникулы были моим лучшим отдыхом в детстве.

По завершению каникул я погружался в обычную ученическую и дворовую жизнь на улицах Ленинграда.

Родители не заставляли меня учиться и ходить на внеклассные кружки. После школы я гонял в футбол, учился «средне», но любил пионерскую организацию всей душой.

Посвящение в пионеры стало для меня одним из самых ярких событий в жизни. Помню хорошую погоду и заветные слова присяги:

«Я, Сергей Фролов, вступая в ряды всесоюзной пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина перед лицом своих товарищей торжественно клянусь горячо любить и беречь свою Родину, жить, как завещал великий Ленин, как учит коммунистическая партия, всегда выполнять законы пионеров Советского Союза».

Белая рубашка, красный галстук, пионерский значок с тремя языками пламени, символизирующих нерушимую связь коммунистов, комсомольцев и пионеров. Я почувствовал вкус свободы взрослого человека, который может вершить свою судьбу! Да что уж там свою! Судьбу всего мира! Плечом к плечу с Лениным и Че Гевара!

Я был социально активным мальчишкой и каждый учебный год выбирался в школе в совет дружины пионерской организации. Иногда мои товарищи в классе узнавали о моем успешном самовыдвижении в общественные образования нашей школы, как говорят, «задним числом».

Случилась и первая большая любовь. Счастливая, детская. Мы с Юлькой Лисицыной сидели на ближайших партах у прохода, она с левой стороны, а я с правой. Юлька сидела ближе к окну, и я, частенько, засматривался на ее светлые волосы, на которые из-за окна падали солнечные лучи. Нередко мы с ней болтали в столовой и любили вместе съесть теплые, сдобные булочки с белой сладкой посыпкой, которые готовили здесь же в школе.

Было же время! Звезды сошлись и однажды, поедая замечательные булочки, я повернулся к Юльке и увидел отпечатки белой пудры на ее лице в форме бороды и усов. Юлька, скорее всего, лицезрела такую же картину у меня, и я откровенно признался Юльке, что люблю её, и зажевал последние, самые аппетитные остатки булочки. Юлька, пожевывая улыбнулась,

и призналась мне, что: «Я тоже», и посмотрев на остатки булочки, уже в статусе возлюбленной, спросила: «Хочешь?», а я ответил: «Неа».

Что может сравниться с теми булочками за десять копеек из нынешнего ассортимента школьных столовых? Эх, чудо булочки, пробуждающие любовь... Рецепт потерян, ибо в нем ингредиентом было то «самое время» и неповторимая сахарная пудра.

Первая любовь была самой веселой и самой беззаботной. Моя бабушка, по маминой линии, подкидывала мне мелочью около рубля, и я приглашал Юльку к киоску с мороженым, где мы могли испробовать фруктовое за семь копеек и сахарную трубочку копеек за двадцать пять.

Папа от работы получил трехкомнатную квартиру, и я вместе с родителями и бабушкой, по папиной линии, переехал из Московского в Кировский район Ленинграда.

В моей жизни все обновилось. Я перешел в другую школу. Любовь с Юлькой незаметно испарилась. Меня окружали другие дома, другие люди, другие чувства.

Новая школа стала для меня серьезным испытанием. По началу было впечатление, что я один и меня окружают интересные, но равнодушные ко мне люди в количестве тридцати девяти человек. Однако я был автономен и активен. Не обращая внимания на сложившиеся в классе за последние годы отношения, я сам себя выдвинул в Совет дружины пионерской организации школы. Когда меня выбрали в Совет дружины, для класса это стало сюрпризом, так как мою кандидатуру в классе не обсуждали и за меня не голосовали. После успешных выборов я почувствовал себя мишкой в улье с враждебными пчелами. Особенно старались девчонки, которые пускали по партам петицию по сбору подписей за «исключение Сергея Фролова из нашего дружного класса».

И все же, мне удалось влиться в коллектив и занять свое место в стае. Помогла любовь, неожиданная, трогательная, и как нередко водится, несчастная.

Маша была королевой нашего класса. Это звание закрепилось за ней не столько из-за внешних качеств, сколько из-за особенной комбинации девчачьей храбрости, ответственности, пионерского задора и раскрывающейся женской зрелости.

Никто из ребят не покушался на право считать ее своей девушкой. Но в один из осенних дней я затесался в кампанию ребят, провожавших девчонок домой, и среди них была Маша. Мы шли небольшой группой, человек шесть. Неожиданно Маша остановилась и предложила всем откровенно сказать, кто кому нравится. У нас был джекпот – три девочки и три мальчика. Никто не решался озвучить свои чувства первым. Мы стояли переменяясь с ноги на ногу. Я пытался судорожно понять, что говорить, но терялся в выборе. Маша взяла инициативу на себя и смело заявила: «Мне нравится Сергей Фролов».

Никто не ожидал такого ответа и более всех такого ответа не ожидал я. В смятении чувств я ответил, что мне нравится Лена. В итоге, пары ни у кого не сложилось.

Я брел домой один, с грузом размышлений о свалившихся на меня чувствах. Мне бы так хотелось вернуться на двадцать минут назад и сказать Маше, что я люблю ее. Мои дальнейшие попытки передать ей, что она мой единственный выбор на всю жизнь, не приводили к успеху. Я боялся высказаться напрямую, а друзья, которых я просил рассказать о моих чувствах Маше, были сами в нее влюблены и нагло перевирали ей мои послания.

Мне было плохо. Я переживал и не мог понять как добиться расположения любимой девушки. Правда, я не мог себе представить, чтобы я стал делать, если бы Маша ответила мне взаимностью.

Есть булочки с сахарной пудрой было уже не интересно. Но с другой стороны, в одиннадцать лет я еще и не был готов к отношениям, и находил отдушину в страданиях.

Несмотря на мой юный возраст, ожог той любви долго томил мое сердце и впервые дал мне понять насколько болезненными могут быть отношения между людьми.

Дальше были другие любви, разные но, в основном, безответные. Я влюблялся в тех, кто не отвечал мне взаимностью. В меня влюблялись те, кому я не отвечал взаимностью. Но было и так, что вначале я не обращал внимания на девушку, а девушка, как выяснилось позже, томилась от сердечных мук, вызванных моим равнодушием. Сказка заканчивалась как только я начинал понимать, что нравлюсь девушке, ибо с этого момента я становился заносчивым и глуповатым. Девушки тотчас теряли ко мне интерес, а у меня пробуждались к ним самые искренние чувства любви. Такие качели долго сопровождали мою юношескую жизнь.

Я подрастал. Мне открывались некоторые тайны взрослого мира. Хотелось носить крутые футболки, хотелось кроссовки и джинсы. Хотелось бегать быстрее всех, стать непобедимым бойцом, провести ночь с девушкой и чем дальше, тем больше хотелось хотеть.

Лет в пятнадцать я стал читать, точнее вчитываться в то, что читаю, и без принуждения брать книги в руки. Если раньше чтение было мукой, то испытал очередной любовный катаклизм, я вдруг проникся литературой и книги прочно вошли в мою жизнь. Я впитывал нектар мудрости, страданий, слов и сюжетов от Достоевского до Бунина, от Толстого до Булгакова и даже пытался читать Бердяева и «Розу мира» Андреева. Но сколько бы я не читал, все время оставалось впечатление как много упущено, не понято, забыто, несмотря на все усилия, потраченные на изучения стоиков и попыток пробурить тоннель в трудах Ницше и Шопенгауэра.

В очередной раз долото любви коснулось моего сердца в июне 1990 года. Чемпионат мира по футболу в Италии! Хорошее лето! Победа сборной ФРГ над сборной Аргентины!

Я отправился на сборы в спортивный лагерь труда и отдыха, сокращенно ЛТО. В Советском Союзе любили использовать аббревиатуру их трех букв, даже в отношении хороших учреждений.

На тот момент я уже лет семь занимался самбо, дисциплинированно ходил на занятия. Мышцы жадно впитывали технику борца и нагрузку перворазрядника. Тело становилось упругим, наливалось рельефной массой. Я занимался без перенапряжения, звезд с неба не хватал. Просто был хорошим середнячком и у меня не было отогематомы ушей.

В ЛТО я оказался наряду с другими инициативными ребятами, которые зарекомендовали себя в жизни пионерской организации и занимались спортом.

Лагерь формировался по принципу сборной солянки. Юные дарования съезжались из разных городов и по разным спортивным дисциплинам.

Гимнастки разительно выделялись на фоне других спортсменов, особенно на утренней тренировке.

Пятнадцатилетняя Светлана с ногами от ушей, длинными волосами и точеной фигурой сразу привлекла к себе внимание. Она была похожа на француженку, на запрещенную иностранку. Она рождала томящий соблазн у всех мальчишек пубертатного периода, вызывая неконтролируемую ломоту в чувствительных местах тела. С виду застенчивая, но, как говорят, с чертиками в глазах. И самое сногшибательное было присутствие в ее упругом теле двух волнующих грудей, которые нежно проявлялись через спортивную футболку.

Я влюбился в гимнастку Светлану. В ней все привлекало, начиная от ее будоражащих форм до одежды, которую она носила. Мои чувственные переживания сдерживались моими благородными устремлениями, более характерными для тимуровца или настоящего русского офицера.

Одним словом, пребывание в лагере запомнилось мне не столько спортивной, сколько сердечной напряженностью и хорошим синяком под глазом. Именно Светлана подарила мне первое яркое впечатление от женского прикосновения, нежного запаха молодой кожи и прерывистого дыхания.

В заключительный день смены для всех отрядов организовали дискотеку. Играли произведения зарубежных исполнителей и ребята отрывались по полной программе. Лучи светомызыки скользили по танцующим и в этой пятнистой темноте я поймал в свой блуждающий

прицел Светлану. Я боялся потерять ее из виду и глазами охотника вновь и вновь выхватывал из темноты вожаемый образ.

Для разрядки эмоций молодежи включили медленный танец, и я решился пригласить Светлану. Она согласилась, и я ощутил невероятно близко запах ее вспотевшего тела и касание ее чуть растрепанных волос. Она положила мне руки на плечи и мило улыбувшись сказала мне на ухо: «Ты давно за мною следишь».

Мое сердце стучало так, словно буддийский монах бил со всей мочи в бонсё. Мы вышли на улицу, и я поцеловал ее. Сзади раздался шаг. Кто-то грубо дернул меня за плечо и ударил в лицо. Машинально я прошел к невидимому врагу в колени, но меня колотили с разных сторон. Я отключился. Бедный самбист, бесславно проваливший важное выступление...

Солнце пробивалось через белые занавески. Утро выдалось хорошим, свежим как и все мы пятнадцатилетние ребята, у которых на щеках «кровь с молоком», и, которые жадно и необдуманно хотят новых ощущений.

Я проснулся. Оглядел комнату, увидел какие-то склянки на тумбочке. Понял, что нахожусь в лазарете. Через некоторое время в комнату зашла медсестра, женщина в теле и бойко спросила:

– Как дела, герой? Не тошнит?

Я ответил, что все нормально, и что не тошнит. Медсестра замерила мою температуру и, посмотрев на градусник, также бойко отрапортовала, что жить буду.

– С кем дрался-то помнишь?

– Ничего не помню, – ответил я.

– Ладно, там к тебе посетитель, – лукаво произнесла медсестра и удалилась.

Тишина, как фанфары, ударила в уши в ожидании гостя. Кто?! Какой посетитель?

Ручка двери медленно опустилась вниз, створка приоткрылась. Женская головка несмело выглянула из-за щелки дверей. Зашла Светлана. Аккуратная, еще более притягательная и нерешительная.

Она присела на мою кровать, как провинившаяся ученица, и сказала:

– Прости, что так получилось.

– Да ты что? Я не жалею, – от нее нельзя было отвести глаз, – Ты, – неуверенно начал я, – такая красивая. Я взял ее за руку и попытался приподняться, чтобы поцеловать, но пульсирующая головная боль вернула меня к подушке.

– Лежи, дурачок, – и Светлана сама поцеловала меня, накрыв мое лицо своими длинными волосами.

Я ощутил как ее рука коснулась моей ноги и дальше случилось, то о чем я мечтал и не надеялся.

Светлана не оставила свой адрес, и я только узнал, что влетело мне на дискотеке от главного боксера команды из Рязани Бориса Лебедева, которого я знать не знал, но который считал, что Светлана его девушка.

Однажды я увидел Светлану по телевизору. Такая же притягательная русская француженка. Восьмое место во всесоюзном первенстве. Моя третья большая любовь, моя прекрасная чемпионка. Передавай привет Борьке...

После накрывших меня эмоций взаимной близости с девушкой и последовавшего исчезновения прекрасной Светланы, я опять на долгое время обрел печаль. Возможно, по совпадению событий и предстоящих выпускных экзаменов в школе, я забросил борьбу, стал активно заниматься с репетиторами. Когда выдавалось свободное время, погружался в чтение трилогии Теодора Драйзера. Я был в вымышленном мире больших денег, масштабных проектов, банкротств, продажных политиков, гангстеров и красивых женщин. Образ Фрэнка Каупервуда стал для меня навязчивым альтер эго моей жизни...

Год от года менялся облик страны, все чаще и чаще жалобные сирены раздавались в городе в знак скорби об очередном ушедшем навсегда генсеке. Немощные старики пытались рулить страной, в которой постепенно отключали аппарат искусственного дыхания. Страна уныло плыла куда-то по инерции и люди все более смелели от возможности безнаказанно говорить, что думают.

В мою жизнь, стремящуюся к плотской любви, ворвался фильм «Маленькая Вера» и «ЧП районного масштаба». Как раньше детвора до дыр пересматривала Чарли Чаплина, так и я со своими товарищами всеми правдами и неправдами пытался многократно перерассмотреть все подробности происходящих на экране интимных сцен. Колющее возбуждение активного полового взросления требовало самореализации. Юношеский огонь разогревал фильм «Девять с половиной недель» и музыкальные группы Depeche Mode, Pet Shop Boys, Rolling Stones, Scorpions, Алиса, Наутилус Помпилиус, Кино, ДДТ. Душу рвало от песен Ласкового мая.

Бесформенная масса людей входила в мясорубку невостремленности и новых возможностей, получался фарш на костях, да с кровушкой.

Мы с друзьями приобретали опыт перепродажи сигарет, походов в ночные клубы, дерзкого молодого мордобоя и первых настоящих сладостей взрослой жизни.

С Владом было интересно. Он был дерзкий, сексуально озабоченный, и к тому же страшно дрался. Мы учились в одном классе и часто гуляли по нашему району, тайно надеясь встретить каких-нибудь жриц любви, которые осчастливят нас своими талантами. Книжки на обозначенную тему были прочитаны, фильмы просмотрены, тело просилось в бой.

В один из зимних вечеров нас угораздило познакомиться с молодыми мамашами лет шестнадцати, которые мирно выгуливали своих детей в колясках. А другим милым вечером мы с Владом оказались наедине с теми же юными мамами в большой квартире, заполненной книгами, на интеллигентной улице Декабристов. Квартира с высокими потолками располагалась напротив Мариинского театра. Из ее окон мы наблюдали как люди спешат познать высокое искусство балета в одном из лучших театров мира, в то время как мы с Владом готовимся овладеть низким искусством плотских утех.

Все случилось быстро и нелепо. Как домушники, которые в суете обчистили чужую квартиру, мы с Владом незаметно ретировались из роскошной квартиры с мешком украденного опыта и быстро перебирая ногами ступеньки лестницы оказались на свежем воздухе вечернего Петербурга.

Мы удалялись от квартиры любви, позади была Мариинка, а вслед нам звучали аплодисменты благодарных ценителей балета и классической музыки.

Предпоследний класс школы с углубленным изучением английского языка. 1991 год. Со скрипом открылись ворота железного занавеса. Наша школа в числе первых в России направляет делегацию школьников в Соединенные Штаты Америки! Я среди них и будучи учеником специализированной школы с углубленным изучением английского языка отвратительно говорю на этом иностранном языке. Самый распространенный вариант поддержания разговора с моей стороны: «Оу е», «Е ее», «Ок» и тому подобное.

Но я ликовал! Наконец-то я окажусь в стране, где раздают заграничные джинсы, продают дешевые двухкассетники и на каждом углу процветает свободная любовь.

Приближение поездки волновало и наполняло ожиданиями реализации самых смелых материальных и сексуальных желаний.

Поездка была и в самом деле необычная. Америка оказалась крайне пуританской страной.

Пролетев через Атлантику мы оказались в штате Мэриленд под Вашингтоном. Нас распределили по семьям, развезли по домам и оставили адаптироваться в домашней обстановке средней американской семьи.

Я находился в ожидании, когда откроется дверь моей комнаты и в нее вбегут распутные негритянки, а отец семейства презентует мне двухкассетной магнитофон «Сони» и кроссовки Nike.

Время шло, но никто ко мне не заходил. Отчаянно хотелось есть. Возможно, эта поездка лишили меня наивности ожиданий подарков от судьбы.

Надо признать, что мне досталась хорошая семья с одноэтажным коттеджем в зеленом районе Potomac City и длинным Ford Country Squire, кузов которого был отделан деревом. В семье были две девчонки, которые меня почему-то невзлюбили, и я каждый день отправлялся с ними на деревянном форде в колледж.

Америка начала девяностых переживала бурный рост. Уже гремел Стив Джобс, лунной походкой ходил Майкл Джексон, Жан-Клод Ван Дамм стал кумиром мальчишек, Михаил Горбачев с большой родинкой на лбу произнес «Перестройка» .... Наша страна таяла как мороженое в лучах «разлагающего влияния Запада». Штукатурка былого коммунистического задора сыпалась, обнажая убогий советский быт.

Я сидел за партой последнего класса школы номер двести семьдесят пять. Передо мной раскрытая тетрадь в линейку. За окном май 1992 года. Облака плывут в сторону моего дома, где мы живем с мамой, папой и бабушкой. И также у меня плывет поток сознания о запретной любви, планах на лето, выборе института.

Пишем экзаменационное сочинение.

Сочинение давалось мне с трудом. Помню в шестом классе нам задали на дом написать рассказ о любимых цветах. Любимых цветов у меня не было, и о чем писать я не знал. Пришлось обратиться за помощью к маме. Мама, недолго думая, нарисовала мою бабушку, Розу Герцеливну 1925-го года рождения, с которой у нее были отношения, мягко говоря, натянутые. Бабушка была нарисована с большой халой на голове и выдающейся попой. Внизу мама не постеснялась оставить дарственную надпись: «Мой любимый цветок – Розочка» и передала мне сочинение. После этого я стал сочинять, как Бог на душу положит.

Так, вот.... На парте открытая тетрадь в линейку, облака плывут к моему дому, и у меня экзамен по русскому и литературе.

В том году в нашей школе проходили необычные выпускные экзамены. Школьные оценки приравнивались к результатам вступительных экзаменов в Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского.

Дружно классом пишем сочинение на глобальные темы человеческой судьбы в романе Льва Толстого «Война и мир».

Вспоминаю тяжело раненого Андрея Болконского, который лежа на сырой земле, пропитанной порохом и кровью, смотрит в небо Аустерлица и размышляет в бреду о том, что все тщетно и нет ничего кроме неба, и неба тоже нет.

Я был впечатлен образом этого героя, не состоявшимся гедонистом, Фрэнком Каупервудом. Болконский представлялся мне стареющим мужчиной тридцати пяти лет, богатым, но потерявшим интерес к жизни. Почему он не радовался жизни? Почему не пользовался своим богатством? Зачем отправился на войну, на верную смерть? Чего ему не хватало?

Мое сочинение превратилось в набор вопросов, витиеватых размышлений и тупиковых констатаций о смысле жизни. Вопросов было много, я не знал ответов, я даже не чувствовал их на ощупь. Помню как вышел из потока размышлений, пробежал по написанному и честно в конце сочинения признался, что ответы на эти вопросы я буду долго и упорно собирать в своей жизни и, возможно, никогда не соберу. Да, Андрей Болконский, подкинули Вы с Львом Николаевичем вопросов...

Я поступил в Ленинградский финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского, который через двадцать три дня после начала моей первой сессии, переименовали в Санкт-Петербургский государственный экономический университет или, проще, в Финэк.

Пять лет сессий, зачетов, экзаменов, дипломов, рефератов, спирт Royal, сникерсы, первые йогурты, преподаватели с грустными, нередко хмельными глазами, второй этаж с перемежающимся запахом дешевого кофе и туалетного омбре. Студенты ходили по коридорам института и «в ус не дули», что мы ходим по этажам Ассигнационного банка восемнадцатого века, построенного Джакомо Кваренги. Знал бы итальянец, что построил он это здание не для Екатерины второй, а для голодных студентов, в большинстве своем разгильдяев тысяча девятьсот «девяностых».

Началась студенческая жизнь с колхоза, который оставил впечатление республики Шкид и самого крутого из всех возможных вариантов тимбилдинга.

Шесть раз в неделю мы выезжали на поля собирать картошку. Новобранцев Финэка разделили на полевых работников и грузчиков. Полевые работники объединялись в бригады по десять человек с равным включением парней и девушек. Ударной группой, приравненной к высшей касте, считались грузчики.

В каждой комнате по восемь коек в два этажа. Наше жильё напоминало временный городок хиппи. Ребята без разрешения убежали в ближайший поселок, затаривались водкой, привозили трехлитровые банки с салом. Ходоков ждали и чуть ли не на руках носили по возвращению. Грузчики шалили – воровали и перепродавали картошку. Смотрящие за нами ребята старших курсов неплохо наживались на организации работ студенческих отрядов и за пару месяцев колхозной жизни покупали себе ушастых запорожцев, которые в то время по цвету и по расположению двигателя отдаленно напоминали Porsche Carrera.

Из нас еще не выветрилась идеологическая установка на стахановские подвиги. Старшки без зазрения совести мотивировали молодняк бить рекорды прошлых смен, награждали отличившихся грамотами и откладывали в свой карман выручку от сбыта неучтенной картошки.

Я решил не отставать от предприимчивых старшиков. Поторговался с грузчиками и по тридцать копеек за килограмм договорился с ними о покупке восьми мешков картошки по пятьдесят килограмм. После получения груза я должен был отдать наличными сто двадцать рублей. Оставалось в темном поле найти товар и вывезти его на рынок для продажи, что тоже было непросто, поскольку дорогу у колхоза патрулировали милиционеры и добровольцы.

В согласованный вечер к нашему барaku на жигулях шестой модели подъехал мой папа, и мы отправились разыскивать картошку в чистом поле и в кромешной темноте.

На поиски ушло около часа. Звезды наблюдали за нашими муравьиными попытками найти картошку то в одной, то в другой земляной куче и беззвучно хохотали над нами. Испачкавшись в земле, и, облепив себя со всех сторон колючками репейника, мы наконец-то отыскали картошку. Нас с папой было почти не различить – оба грязные как шахтеры, утыканные репейником, но в свете фонаря с белой улыбкой.

С трудом удалось загрузить восемь мешков в чистую шестерку. Под грузом картошки передняя часть машины заметно приподнялась, а задняя ощутимо просела, и мы медленно поехали в город.

Все прошло хорошо. За три часа груз был доставлен в город и в течение двух дней продан с ожидаемой прибылью, которую мы с папой поделили пополам. Из своей половины я купил себе джинсы неизвестной марки цвета Denim, три бутылки водки, пару банок тушенки и конфет. Как и положено по приезду в колхозную артель меня встретили с большой радостью. Водка со всей снедью разлетелась по голодным студенческим желудкам быстро и незаметно.

Я дерзнул повторить еще раз картофельную аферу, но в этот раз закупку хотел сделать у полевых бригадиров. На всякий случай, от монополии грузчиков я решил уходить постепенно, попросив их в следующий раз отложить пять мешков, взяв другие пять от бригадиров. У меня была мечта – купить двухкассетник, а для этого надо было брать уже десять мешков.

Папа установил на крышу машины рейлинги, подкачал шины и выехал в направлении «поля чудес».

Сделка оказалась провальной. Грузчики прознали о моих договоренностях с бригадами и заложили половину гнилой картошки. Как только наша, груженная картошкой машина, отъехала от колхозного поля, за нами погнался грохочущий трактор, от которого мы с трудом оторвались, изнасиловав наш автомобиль. В этот раз картошка не принесла нам прибыль, скорее наоборот, машине требовался ремонт – надо было заменить рессоры и потратить целый день на чистку салона. Ароматный, картофельный запах еще долго сохранялся в нашей машине и категорически не нравился маме.

Смотрю на наши колхозные фотографии и не могу сдержать улыбки. С черно-белых выцветших фото тридцатилетней давности на меня смотрят незнакомо знакомые лица ребят в ватниках, с напыленными на ноги грязными кирзачами и нечесанными волосами. На заднем фоне убогие картофельные поля с покосившимися бараками. Мы стоим на фотографиях – молодые беспризорники, будущие предприниматели и счастливые абитуриенты одного из самых престижных ВУЗов страны! Я вижу на фото своих друзей Стаса, Жеку и в самой гуще ребят, в самой глубине моего сердца, стоит совсем юная Оксанка Васильева.

Полетели студенческие дни.

Добираешься к 8:50 утра до станции метро канал Грибоедова. В потоке невыспавшихся людей выходишь из подземелья метрополитена на знакомый с детства Невский проспект. Тебя встречает Казанский собор, дом Зингера с девами на крыше, пытающимися сбросить земной шар на бегущих взад и вперед пешеходов, ограда канала Грибоедова и стоящий по стойке смирно старый светофор. Пересекаешь Невский и пешочком следуешь к альма-матер. Доходишь до банковского мостика с золотокрылыми грифонами, и даже не врубаешься во всю эту красоту.

Я тогда не представлял себе, что могу на ходу перехватить стаканчик кофе с круассаном, идти и слушать музыку в беспроводных наушниках или с кем-то болтать по мобильнику. Заходя за ограду Финэка, сразу попадаешь в студенческий муравейник. У самого входа, ежась от холода, курили сутуловатые девчонки и мальчишки.

Проходишь внутрь здания к турникету. Показываешь студенческий билет охраннику, а дальше мимо огромного зеркала, неизвестно какого века, поднимаешься на второй этаж, и оказываешься в длинных коридорах учебного заведения. По бокам коридоров выискиваешь свою аудиторию и опоздавший заходишь в большущий учебный зал, набитый галдящими студентами. Преподаватель еще раскладывает материалы лекции на столе, я тороплюсь занять свободное место, чтобы «не мозолить глаза». Преподаватель, как дирижер, взмахивает палочкой и аудитория замолкает, переключаясь в режим записи ценных знаний.

До сессии остается пару недель и настроение от этого так себе, а еще хочется спать, есть и активно пользоваться запретными плодами. Забыл ручку, перехватываю карандаш у соседа, что-то начинаю записывать, наваливается дремота и я чуть не засыпаю.

Первая лекция – это подъем тяжести без разминки, а перемена после первой лекции как встреча весны после утомительной зимней слякоти. Лекция закончена и сразу аудитория начинает шуметь, образуются круговороты разговоров, смеха, криков кого-то кому-то из одного конца аудитории в другую, открывается дверь и шум нашего потока сливается с шумом студентов в коридоре.

Первую сессию я сдал на «отлично», и осознал, что нереализованная детская мечта стать «лучшим в школе» может быть реализована в институте. Цель поставлена, и я изо всех сил устремился к ней. Среди ребят нашего потока я приобрел славу отличника, тщеславного и заносчивого кадра. Особенно это мнение укоренилось в женском коллективе.

Я учился успешно, досрочно сдавал сессии, и чем успешнее я был в учебе, тем злее становилось общественное мнение. Желание зарабатывать деньги было не менее страстным, чем цель получить красный диплом и доступ к запретным плодам. Но обо всем по порядку.

На студенческом потоке знали, что я мечтаю попасть на зарубежную стажировку. Моя мечта чуть было не обрела кровь и плоть.

В один из студенческих дней дверь в аудиторию открылась и какая-то девушка выкрикнула «Фролов Сергей! В деканат!»

Я пришел в деканат, где другая «какая-то девушка» вручила мне большой конверт с красочной наклейкой желтого солнца и надписью Caribbean.

Я открыл послание, и глаза стали жадно поглощать усладу написанных слов:

Уважаемый, Сергей Александрович Фролов!

Позвольте нам выразить свое глубокое почтение от лица клуба «Молодые таланты России» (я сразу почувствовал радость от того, что наконец-то обо мне узнали).

Нас впечатлило Ваше эссе на тему «Основы макроэкономического развития России в переходный период» (вроде бы, не выступал с таким умным докладом. Да и черт с ним!)

Как выдающегося студента, оригинально раскрывающего особенности макроэкономических циклов, мы хотели бы пригласить Вас на ежегодную церемонию награждения «Студенты мира» (я, безусловно, заслуживаю этого), которая пройдет в этом году 29 марта в Порт-Ройал на Карибских островах (уже потом я узнал, что город с таким названием покинут жителями и практически полностью затоплен Карибским морем).

Мы готовы взять на себя все расходы, связанные с указанной поездкой, включая перелет туда и обратно, проживание в пятизвездочном отеле Atlantis Paradise Island Resort (пот пробил меня и возникло ощущение легкого опьянения) и ежедневные расходы на одну неделю пребывания (буду экономить!)

Мы будем признательны, если Вы найдете возможность приехать к нам 29 февраля текущего года (Господи, через два дня!) в гостиницу Астория в 15:00 для предварительного знакомства с нашей командой (сердце бешено забилося), для вручения именного сертификата клуба МТР («Молодые таланты России») и для проведения формальных процедур, необходимых для оформления Вашей поездки.

Пожалуйста, возьмите с собой заграничный паспорт и подготовьте короткую речь о целях Вашего обучения на английском языке (fuck!)

Мы ждем Вас!

С глубоким уважением,

Андрей Фролов (однофамилец, помогает однофамильцу! круто!)

Я стоял в приемной деканата в диком восторге и не знал куда выплеснуть нахлынувшие на меня эмоции.

– Так, а что у нас тут делают студенты? – услышал я голос вошедшего в приемную декана.

– Молодой человек, покиньте, пожалуйста, помещение, – сказала мне «какая-то вторая девушка», по всей видимости, помощник декана.

Я выскочил из кабинета и побежал к своим товарищам с радостной вестью о моей намечавшейся стажировке. Стас и Жека смотрели на меня глазами маленьких детей, словно я из другого, чудного мира Уолта Диснея. Нет это была не зависть, это была эмоциональная безысходность от невозможности попасть в «Тот светлый мир». В их глазах читалось: «Вот, кому-то дали леденец, а нам дали полизать сосульки».

Мимо нас прошла главная представительница женского коллектива нашего студенческого потока Оксана Васильева, которая, как ни в чем не бывало, обратилась ко мне, игнорируя моих товарищей: «Фролов, привет! Все выучил, зануда?»

Я промолчал и покраснел от охватившего меня негодования. Жека добавил масла в огонь и доложил Оксане о том, что: «У нас тут появился светила макроэкономики! Молодой талант,

мусье Серж де Фролов. Мы его со Стасом решили на Карибы отправить. Васильева, с Сергеем на Карибы в „Роял что-то там“ поедешь?»

Васильева остановилась и насмешливо ответила: «На Карибы, мальчики Вы еще будете лет тридцать копить, причем все вместе. Накопите – приходите, я подумаю» и пошла вульгарной походкой в сторону деканата. Мы проводили ее голодным взглядом и каждый в деталях представил себе как бы он наказал эту наглую особу в самой извращенной форме.

– Вот б...., – не сдержанно отреагировал я. – Сама из Саратовской области, а корчит из себя...»

– Тебе, Серый, – примирительно сказал Стас, – надо не только камень науки грызть, но и находить подход к прекрасному полу. Ну, а за Карибы надо проставиться!»

И мы отправились в кафе, где под один пакетик чая Lipton на троих и горячие хот доги отметили мою предстоящую зарубежную поездку.

На следующий день я бегал по магазинам в поиске нового пиджака. Деньги на обновление гардероба мне выделил папа, и я понимал, что он очень хочет поддержать меня. Я твердо решил, что все «командировочные» от предстоящей поездки на Карибы, верну родителям.

Настало долгожданное 29 февраля 1993 года, и я в новом пиджаке неопределенного цвета с широкими плечами еду с папой на ВАЗ 2106 в направлении гостиницы Астория. На капоте автомобиля не хватало лишь флажков, обозначающих принадлежность пассажиров к одной из стран Ближнего Востока или Африки. В салоне машины чувствовался легкий запах картофеля, на улице еще лежал серый снег, за стеклами авто мелькали озабоченные бытовыми проблемами лица людей, мимо проезжали грязные троллейбусы, грузовики, легковушки. Серый, кооперативный пейзаж города 90-х годов с нескончаемой вереницей ларьков. Но я был так рад, как будто бы уже сейчас лето и я на Карибах.

Я выскочил из машины и вбежал в главный холл Астории. В этот момент я чувствовал себя Кевином из фильма «Один дома», ошеломленно озирающимся на шикарный интерьер The Plaza Hotel в Нью-Йорке.

«Как же здесь красиво! – что-то радостно тискало мое сердце, – И какой аромат! – где-то раздавался шум кофеварки и ощущался неповторимый вкус бразильского напитка, – Какой пол, люстры! Картины! Шедевры! Как здесь светло и чисто и какие приятные люди вокруг».

Я уже думал, что сейчас откроются двери напротив, и, я увижу Наташу Ростову, танцующую свой первый бал.

Ко мне подошел крепкий молодой человек в строгом костюме с короткой стрижкой и пугающей биркой Security² на лацкане пиджака. Security уточнил, чем он может мне помочь.

Я как крестьянин, очутившийся в городе за неимением правильных слов, достал красочный конверт и дрожащими руками показал драгоценное письмо. Передавая письмо представителю безопасности роскошного отеля, я продолжал жадно впитывать в себя богатый декор Астории.

Ощущение было, словно я за границей, за границей всего привычного, на территории оазиса с бархатными пальмами и дорогими напитками.

– Что-то я не пойму, – немного приземлил мою внутреннюю восторженность молодой человек с биркой Security и чуть ниже с указанием имени «Борис», – Никто меня не предупреждал о студентах.

К нам подошел еще более крупный Security с еще более короткой стрижкой, прочитал письмо и сказал, что никаких студентов здесь не ждут.

Первый Security вернул мне письмо и суровым взглядом с крупными складками морщин на лбу дал понять, что мне лучше покинуть помещение и разбираться с организаторами за пределами этого чудесного мира.

---

² Security (англ. яз.) – безопасность

Я вышел из холла Астории, освещенного ярким праздничным светом чистых хрустальных люстр, висевших на высоком потолке, на неудобную улицу, где давно не было Солнца, а лишь противный ветер, да грязный снег. Справа от меня нахраписто стоял Исаакиевский собор, немного слева окислившийся памятник Николаю I.

Что же произошло? Обман или опечатка в приглашении?

На следующий день Жека со Стасом с большим интересом выслушали мой рассказ.

– Да, печальная история, старик. Это стоит отметить, – предложил Жека в надежде на халявный хот дог.

– Денег нет, – быстро ответил я, вспомнив пиджак, – но отметить можно.

– Васильева, а ты чего лыбишься? – вызывающе спросил Стас Васильеву, которая стояла в окружении нескольких подруг и явно пыталась понять, о чем мы говорим.

– Понятно, – нараспев сказал Стас, – Серый, это они тебя развели, – и кивком головы показал на Васильеву и ее подружек.

Васильева подошла к нам и с ухмылкой спросила:

– Ну что, мусье де Фролов, как Астория? – и слегка провела языком по своим губам.

– А ты откуда знаешь про Асторию? – огрызнулся я.

– Ты же сам говорил Карибы, Астория, – нахально продолжала Васильева.

– Ничего я тебе не говорил, – с усиливающейся злобой ответил я.

– Ну, значит кому-то говорил. Зануда, – с деланной усталостью отреагировала Васильева и вернулась к подружкам, которые сразу прыснули от смеха.

«Что я тебе плохого сделал?» – сокрушенно размышлял я о Васильевой. Но вопрос был риторическим.

Позади история про сложные отношения с женским коллективом. Сейчас вспомню, как же мы зарабатывали во время нашей студенческой жизни.

Я вижу внутренний мир моего мозга, который пульсирует в разных местах для активации воспоминаний. Гигабайты информации похожи на пузырьки воды, которые как маленькие рыбки Долли, весело поднимаются на поверхность океана, оживляя картинку прошедшего времени.

Ну так вот... По меркам сегодняшнего дня, зарабатывали мы примитивно.

В «девяностые» бизнес делался легко: «один пошел искать товар, другой пошел искать деньги». Будучи честолюбивым, я хотел быть первым не только в учебе, но и в бизнесе.

В то время в России было много челноков, мотавшихся в Восточную Европу и в Турцию. Бизнес был несложный, и я выбрал маршрут на Польшу. Покупаешь сигареты, спирт, гитары, самодвижущихся игрушечных собачек, доставляешь все это богатство на поезде в Варшаву и продаешь. На полученные деньги покупаешь музыкальные центры с псевдо японским названием Ksony или Nhitachie и финальным аккордом продаешь технику на питерском рынке.

Музыкальные центры раскупались как последние айфоны. Они были укомплектованы двумя вставками под кассеты и цветомузыкой, под которую отлично исполнялся репертуар «Ласкового мая».

Для успеха предприятия требовалось не попасться таможенникам за сверхлимитный провоз товара и не пересечься с бандитами. Но каждый раз вероятность встретиться с неприятностями возрастала.

Я поделился планами поездки в Польшу со Стасом, Жекой и Аликом, и мы решили рвануть, заработать денег, как взрослые Вчетвером отправляться в незнакомую страну в спокойное время было спокойнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.